

*Е.В. Кремнёв**,
*Т.Е. Шишмарёва***

Дидактические аспекты идей В.П. Васильева о китайских знаках фонетической категории

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются идеи известного российского Китаеведа XIX в. В.П. Васильева, на основе классической классификации китайских письменных знаков Сюй Шэня высказавшего собственные дидактические взгляды о знаках фонетической категории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайская письменность; классификация китайских знаков; Сюй Шэнь; фонетическая категория китайских знаков.

Многие отечественные Китаеведы в разное время поднимали в своих работах проблемы обучения китайской письменности и пути преодоления таковых. В качестве объекта нашего исследования рассматривается работа профессора В.П. Васильева «Анализ китайских иероглифов», впервые опубликованная в 1866 г., которая дошла до нас в отредактированной и переизданной версии в двух частях. Часть первая — на 133 страницах (издание 1898 года), вторая — на 99 страницах (издание 1884 года). Авторы статьи свою задачу видят главным образом в восстановлении, «воскрешении» и введении в современный

* Кремнёв Евгений Владимирович, к.социол.н., зав. кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ, Иркутск, Россия; E-mail: kremnyov2005@mail.ru

** Шишмарёва Татьяна Евгеньевна, к.ф.н., доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ, Иркутск, Россия; E-mail: taniyashi72@yandex.ru

научный оборот этой работы В.П. Васильева, связанной с изучением китайского письма. Указанное сочинение полностью или в значительной своей части посвящено различным аспектам изучения китайской письменной системы, что даёт основание рассматривать её как грамματοлогическую¹.

Весьма значимым в сочинении В.П. Васильева является дидактический аспект. Свою научную деятельность он сопрягал с преподавательской, и этот его статус самым непосредственным образом влиял как на постановку задач исследования, так и на их решение. Дидактико-методическая составляющая является одной из ведущих в канве работы и может сослужить ещё весьма и весьма полезную службу в современных работах такого плана [3].

Особое внимание в его работе уделено принципам изучения знаков категории, именуемой «тоносогласительной» или «фонетической», к которой В.П. Васильев относит выделенные Сюй Шэнем (许慎, 58?–147) категории 谐聲 *се-шэн* («фонетическая») и 假借 *цзя-цзе* («заимствованная»), называя «заимствованные» знаки подвидом фонетической категории [1].

В «тоносогласительной» категории (谐聲), «кроме того, что из обеих составляющих новый иероглиф частей составляет значение слова, одна из последних, вместе с тем, даёт чтение» [1, с. 37]. Например: 𪛗 *ли* «грубый» (от 里 *ли* «деревня» и 人 *жэнь* «человек»); 𪛘 *цзы* «плач детей, пение птиц» (от 口 *коу* «рот» и 子 *цзы* «сын»)².

«Фонетические иероглифы, — продолжает В.П. Васильев, — должны, собственно говоря, непременно состоять из двух частей, из которых одна показывает чтение иероглифа, а другая определяет значение его, а это само собой показывает, что на множество значений приходится одно чтение» [1, с. 42]. В качестве иллюстрации этого своего положения он приводит следующие ряды:

Цзы: 子 «сын», 仔 «ребёнок, нести», 𪛘 «детский плач», 𪛙 «полоть», 𪛚 «усиливать, ревностно», 𪛛 «иероглиф, буква»;

Лу: 古 древний, 𪛜 слова древних, 𪛝 бык, 𪛞 оценить, 𪛟 отрезать, 𪛠 сеть, 𪛡 причина, 𪛢 вина, 𪛣 тётка, 𪛤 вино, 𪛥 покупать, 𪛦 род горлицы, 𪛧 чёрная кобылка (насекомое), 𪛨 телега.

¹ Термин «грамματοлогия» вошел в метасистему лингвистики после появления работы И.Д. Гельба «Опыт изучения письма (Основы грамματοлогии)» (первое издание — 1952 г.) и В.П. Васильевым, естественно, не использовался.

² Здесь и далее чтение и значение знаков приведены в трактовке В.П. Васильева.

«Здесь мы видим, — уточняет при этом В.П. Васильев, — что на первом плане выступает чтение, а вот примеры тех знаков, которые показывают значение» [1, с. 43]:

水 *шуй* вода: 汀 *дин* болото, 汁 *чжи* сок, 汗 *хань* пот, 池 *чи* озеро, 江 *хань* большая река, 河 *хэ* река, 泉 *цюань* ключ, 沉 *чэнь* утонуть, 泣 *ци* слёзы, 溪 *ци* (*си*) озеро в горах, ручей;

言 *янь* говорить, слово: 訐 *цзе* выговаривать за что-нибудь, 訕 *шань* злословить, 訟 *сун* судиться, тяжба, 訴 *су* сказать, 訶 *хэ* бранить, 譁 *хуа* кричать, 讚 *цзань* хвалить.

Вариантом такой категории, по мнению В.П. Васильева, могут быть знаки, которые выглядят, как простые, но по своей сути должны считаться фонетическими:

十 *ши* «чиновник»: 十 *ши* «десять» и 一 и «один» (из десяти);

百 *бо* (*бай*) «сто», от 白 *бай* «белый»;

支 *пу* «ударять», от 卜 *бу* «гадать»;

風 *фэн* «ветер», от 凡 *фань* «каждый» и т. д.

«Самым ближайшим объяснением происхождения фонетических иероглифов», по мнению В.П. Васильева, могут быть такие знаки, как: 聳 *да* (*дай*) «большое ухо» (大 *да* «большой» и 耳 *эр* «ухо»); 駟 *сы* «четвёрка» (四 *сы* «четыре» и 馬 *ма* «лошадь»).

«Фонетический знак (т. е. «фонетик, фонетический указатель». — *Е.К, Т.Ш.*), — считает В.П. Васильев, — не со всеми приставками (т. е. «ключами, детерминативами». — *Е.К, Т.Ш.*) сохраняет своё собственное чтение, а даёт только приблизительное, видоизменённое, иногда очень даже странное. А по этому одному выходит, что на одно чтение приходится несколько фонетических знаков» [1, с. 44].

Здесь же учёный указывает на то, что иероглиф в современном китайском языке чаще всего равен слогу. И наличие той или иной «приставки» рядом с «фонетическим знаком» в китайском слоге может зависеть от значения как иероглифа, так и двусложного слова, в состав которого этот слог входит (懊憹 *ао-лао* «раскаиваться», 顛頑 *мань-хань* «медленно»). Это существенное отличие китайского от языков с алфавитным письмом, где написание отдельного слога от значения слова не зависит («давать, давить, гадать, дама») [1, с. 44–45]. Здесь мы видим прозорливое выявление закономерности китайского языка, которое спустя без малого век было сформулировано как «закон морфологической значимости слогаделения».

Что касается «фонетических знаков», автор пишет, что полное количество их пока не определено, поскольку у европейских синологов само представление о них появилось сравнительно недавно, в 1840 г. с появлением в Макао труда Каллери «Systema phoneticum», в котором фонетические знаки расположены по количеству черт [1,

с. 45]. Признание самими китайцами фонетической системы подтверждается, по мнению учёного, появлением в 1823 г. китайского фонетического словаря *Цзин юнь цзи цзы пу* 經韻集字譜 («Перечень иероглифов, собранных по рифмам канонов». — *Ред.*), где фонетические знаки расположены по ключам. Если говорить о приблизительном количестве фонетических знаков, то здесь В.П. Васильев приводит следующие данные: Каллери насчитал 1040 таких знаков, Чалмерс, работая с *Кан-си цзы-дянь* 康熙字典 («Словарь Канси»), — 1441, Чжэн Цяо — 870. Такая разница в количестве объясняется различием в подходах.

Сложность изучения фонетических знаков и выработки подходов к их выделению В.П. Васильев определяет следующим образом: «дело в том, что то и дело фонетический иероглиф, приняв приставку, вместе с ней превращается в новую фонетическую группу с приставкой и потом далее с ней опять принимает новую» [1, с. 46]. В качестве примера он приводит такие ряды:

古 → 固 → 涸;
弓 → 躬 → 窮 → 窮;
工 → 貢 → 贛 → 瀨.

«Но иногда случается, — продолжает В.П. Васильев, — что фонетический знак с приставкой делается новым фонетическим знаком в отношении только одной какой-либо приставки, следовательно, вопрос в том, принимать ли этот последний фонетический знак в счёт или считать за одно с тем, от которого он произведён?» [1, с. 46–47].

Кроме того, учёный указывает на недостаточное, по его мнению, внимание лексикографов к фонетическим знакам. Он полагает, что в них заключается «большая точка опоры» для изучающих китайский язык. «Наперёд не ознакомься вполне с фонетическими знаками, — пишет В.П. Васильев, — мы при самом долговременном изучении языка и при самом внимательном чтении книг всё-таки будем сбиваться, смешивать один иероглиф с другим. Это всё равно, что не знать азбуки алфавитного языка. Притом из сказанного выше видно, что хотя бы и было 2000 фонетических знаков, всё-таки они не новые, а производные из более простых (子, 字, 主, 注); следовательно, количество их сокращается, а запоминание облегчается» [1, с. 47].

Здесь же учёный ссылается на разработанную им систему расположения знаков в словаре: «Это запоминание, как и вообще запоминание всех иероглифов, облегчается ещё более нашей графической системой» [1, с. 47]. Между тем, сетует он, «китайцы, признавая важное участие в письменном языке тоносогласительной категории, отдают однако ж предпочтение не фонетической её части, а приставочной. Хотя они называют первую «матерью» (му 母), а последнюю

«сыном» (*цзы* 子), но обыкновенно приставка называется или 傍 *пан* «бок», что само собой должно было указывать на второстепенное её участие в иероглифах. Далее, одно уже то, что в древности иероглифы писались часто одними фонетическими знаками без приставок, показывает второстепенное значение последних» [1, с. 47].

При этом европейское наименование «приставки» — «ключ» («*clavis*») В.П. Васильев полагает громким, а убеждение, что именно ключ поможет «открыть доступ ко всем тайнам китайской письменности», — весьма сомнительным [1, с. 47].

Анализируя ключевые системы словарей *Шо вэнь цзе цзы* 說文解字 («Объяснение простых и рассечение сложных знаков»), *Цзы хуй* 字彙 («Лексикон») и *Кан-си цзы-дянь* («Словарь Кан-си»), учёный признаёт, что основной принцип для поиска знаков в них — ключевой. Между тем, он указывает на то, что «китайцы учатся не по лексиконам, которыми они и не могут первоначально пользоваться, потому что надо сперва научиться письменному языку, чтобы понимать помещённые в этих лексиконах толкования. Поэтому учащиеся китайцы на первых порах не могут без учителя сделать и шаг <...> не то, что для европейца, который с первого же начала может пользоваться китайским лексиконом, изданным с обозначением слов на родном или знакомом ему языке, читать на котором он, конечно, уже умеет» [1, с. 48].

Продолжая анализ ключевых систем, В.П. Васильев указывает на их существенные недостатки. Во-первых, он выделяет разницу в подходе к определению их количества: у Сюй Шэня их 540, у Чжэн Цяо — 214, у Гонзалвеса в словаре «*Diccionario China*», изданном в 1833 г. в Макао, — 178. Во-вторых, ключевые системы в первую очередь ориентированы на иероглифы «тоносогласительной» категории, в которых можно выделить ключи, как таковые. Между тем, иероглифы, относящиеся к первым четырём категориям, оказываются весьма трудны для поиска, поскольку «в них только все части, взятые вместе, образуют смысл и дают чтение слову» [1, с. 49]. Именно поэтому такие знаки, по мнению учёного, размещены в словарях с ключевой системой весьма произвольно. В качестве примера он приводит знаки 丁 *дин* «солдат», 七 *ци* «семь», 丈 *чжан* «сажень», 上 *шан* «верхний», 下 *ся* «низкий», «которые помещены под чертой —, хотя эта черта здесь вовсе не настоящий ключ, и мы видим ее здесь то вверху, то в середине, то внизу. Следовательно, нет никакой системы» [1, с. 49].

Обращаясь к сущности так называемых «ключей», В.П. Васильев пишет, что «настоящие ключи, как приставки, имеют энциклопедическое значение <...> Ключевой лексикон по идее тот же, что и лекси-

кон, расположенный по материям, до какого расположения китайцы большие охотники. В лексиконах последнего рода все слова распределены по отделам, относящимся к небу, земле и человеку. Ключевые знаки, как видно, создались без строго обдуманной системы, что говорит, однако ж, в пользу их древности» [1, с. 49]. При этом он приводит примеры того, как, по его мнению, «неотчётливо распределены» ключевые знаки по классам для каждого раздела:

- для животных: 牛 *ню* «корова», 羊 *ян* «баран», 犬 *цюань* «собака», 豕 *ши* «свинья», 豸 *чай* «шакал», 馬 *ма* «лошадь», 鹿 *лу* «олень», 鼠 *шу* «мышь», 虎 *ху* «тигр», 隹 *чжуй* «пернатые», 鳥 *няо* «птицы», 魚 *юй* «рыба», 黽 *минь* «лягушка», 龜 *гуй* «черепаха», 龍 *лун* «дракон»;

- для растений: 屮 *чэ* «росток», 艸 *цао* «трава», 鬯 *чан* «ароматная трава», 木 *му* «дерево», 支 *чжи* «ветвь», 卩 *цзе* «коленце бамбука», 竹 *чжу* «бамбук», 禾 *хо* «хлеб», 米 *ми* «рис, пшено», 韭 *цзю* «полевой лук, порей», 豆 *доу* «горох», 麥 *май* «пшеница», 黍 *шу* «китайское просо», 麻 *ма* «пенька»;

- для минералов: 土 *ту* «земля», 石 *ши* «камень», 玉 *юй* «яшма», 金 *цзинь* «металл», 鹵 *лу* «солончак», 山 *шань* «гора», 阜 *фоу* «холм»;

- для человеческих действий: «говорить»: 口 *коу* «рот», 曰 *юэ* «говорить», 言 *янь* «слово», 音 *инь* «звук»; «движение»: 彳 *чи* «шаг», 行 *син* «ходить», 走 *цзоу* «идти», 入 *жу* «входить», 夂 *чжи* «следовать», 夂 *суй* «следовать», 至 *чжи* «доходить», 疋 или 疋 *чо* «идти», 立 *ли* «стоять».

Результатом анализа структуры письменных знаков этого типа явилась собственная гипотеза В.П. Васильева возникновения тоносогласительной категории. «При первоначальном наименовании каких-либо предметов, — пишет учёный, — человек обыкновенно означает их по отличительным чертам, качествам, впечатлениям (от них получаемым). Китайцы могли и растению, и дереву, и животному дать один и тот же эпитет, из которого затем образовывалось существительное. <...> Понятно, что в некоторых случаях китайцы прибавляли к данному слову ещё и его родовое: лошадь, дерево, птица и проч., но, когда они стали писать, то им уже не нужно было занимать особого места для этих родовых знаков: они приставили их к самому чтению (т.е. к иероглифу показывающему таковое)» [1, с. 50–51]. В качестве примера он приводит ряд знаков, образованных от 朱 *чжу* (*шу*) «красный; сердцевина дерева»: 珠 «жемчуг», 株 «корень дерева поверх земли», 鵠 «род орла», 駮 «лошадь с белым рылом», 邾 «название удела», 洙 «название реки», 銖 «1/24 унции».

«Приставка энциклопедических знаков (ключей) к слограм, — продолжает В.П. Васильев, — не могла бы считаться затруднением для изучения китайского языка, если бы для самих слограм приняты были одни и те же фонетические знаки, но в том то и дело, что эти знаки варьируются» [1, с. 51]. Причины такого варьирования учёный находит в следующих причинах:

1) формирование собственных письменных знаков в рамках одного удела;

2) различия в чтении слограм в каждой местности;

3) различное происхождение и разница в значении знаков, используемых в качестве фонетика (畱, 甫, 付 *фу*).

Здесь же В.П. Васильев оговаривается, что «мы видим множество иероглифов, которые пишутся различными фонетическими знаками. Это ясное свидетельство, что автор применял их для звука, не придавая содержащегося значения» [1, с. 52].

При этом учёный ещё раз отмечает, что, в отличие от языков с алфавитным письмом, в китайском языке каждый слог на письме «принимает особое начертание, приуроченное к тому понятию, которое заключается в двуслоге» [1, с. 52], и приводит в пример слово 珍珠 *чжэнь-чжу* «жемчуг», в котором каждый знак содержит 玉 «яшма, драгоценность». «Это даёт возможность письменному языку, — продолжает В.П. Васильев, — поставить один слог вместо двух» [1, с. 52]. Также он приводит в пример словосочетания устной речи, которые на письме принимают вид одного знака: 四馬 *сы-ма* (四匹馬 *сы-пи-ма*) «четыре лошади» становится 駟 *сы* «четвёрка», 參馬 *сань-ма* «три лошади» становится 驂 *цань* «тройка».

Между тем учёный указывает, что существует и масса примеров, где те или иные «энциклопедические приставки» не демонстрируют «такое близкое приложение и понятность», а напротив, имеют «обширное и вместе с тем несвязное значение» [1, с. 53]. Для примера он приводит ряд знаков из *Кан-си цзы-дянь* с ключом 手 (扌) *шоу* «рука» (из раздела с шестью чертами): 扞 *хэнь* «тащить, вести», 扞 *ши* «вытирать», 拈 *цзе* «вырывать с усилием траву», 拈 *нинь* «налаживать лук», 拯 *чжэнь* «спасать, помогать», 拱 *гун* «сложить руки», 拏 *гун* «связать руки, заковать в колодку», 拳 (攆) *цюань* «кулак», 拷 *као* «грабить, бить», 扞 *чай* (*и*) «тащить», 扞 *се* «тащить», 揀 *шэ* (*цэ*) «выбирать», 扞 *хуй* «бить друг друга».

Опираясь на эти положения, В.П. Васильев делает вывод о том, что «для запоминания близлежащих иероглифов ни для чтения, ни для значения (как это мы привыкли встречать в алфавитных лексиконах) нет никакого облегчения. Да оно и естественно, потому что

под одним энциклопедическим знаком насчитывается часто более тысячи знаков» [1, с. 53].

Учёный полагает, что запоминать новые знаки по фонетическим группам гораздо удобнее, даже несмотря на то, что фонетик не всегда даёт одно и то же чтение. Усматривая тенденции в том, сочетание с каким именно ключом даёт то или иное изменение чтения, В.П. Васильев считает, что «в таком случае и значение ключа выступает рельефнее» [1, с. 54].

«По крайней мере, изучение языка с помощью лексиконов, расположенных по ключевой системе, — продолжает автор, — будет облегчено только тогда, когда отыскивающий ознакомится предварительно с фонетическими знаками, а также с корнями в одном писанном (т. е. одинаково изображаемом) алфавитом слоге. В первом случае, если встретившийся иероглиф читается отлично от фонетического знака, то изучающий легче запомнит это различие, во втором, значение, вытекающее из данного значения слога, с присоединением известного ключа также будет понятнее» [1, с. 54].

Развивая свои дидактико-методические и идеографически-классификационные устремления, В.П. Васильев демонстрирует, как европейцы для лучшего запоминания располагают ключи по энциклопедическому значению. Например, ключи 丨, 丶, 丿, 乙, 丨, 丶, 丿 относятся к разделу «простые черты»; 乙, 夕, 日, 月, 辰 — к разделу «астрономические знаки»; 玉, 石, 金, 鹵 — «минералы»; 士, 女, 子, 氏, 父, 臣, 自 — к разряду «люди» и т. п. При этом он обращает внимание на то, что китайские лексикографы поступают иначе, располагая ключи по порядку черт, приводя в пример *Кан-си цзы-дянь* и *Цзы хуй*. Здесь же он приводит таблицу расположения ключей по порядку черт в указанных словарях, возле каждого ключа проставляя количество иероглифов с данным ключом в каждом из словарей [1, с. 56–59].

В продолжение своих идей о статусе фонетических знаков, учёный пишет: «фонетические знаки — то же, что алфавит, без изучения которого не приступают к этимологии; при приставках они то же, что буква (т.е. слог), из сочетания которого с другими составляется слово, имеющее определённое значение» [1, с. 59–60].

При этом он делает примечание, что не все фонетические знаки являются простыми, значительная их часть состоит из нескольких простых знаков, т.е. фактически фонетическими указателями могут становиться самые различные иероглифы из общего состава китайской письменности, в том числе знаки идеографической и фонетической категории: 相 *сян* «взаимно» → 想 *сян* «думать», 聖 *шэн* «святой» → 螳 *чэн* «большая устрица». «Но, если строго различать

фонетические знаки от ключевых, то и количество последних придётся увеличить» [1, с. 60].

Продолжая эту мысль, В.П. Васильев пишет, что «как ключевая, так и просто фонетическая системы не вполне совершенны уже по тому, что как одна, так и другая, касаются сложных иероглифов, т.е. требуют присутствия и фонетического и ключевого знаков. Но ведь мы имеем перед собой 1800 иероглифов, которые не принадлежат ни к той, ни к другой группе» [1, с. 60].

Он напоминает, что авторы «Кан-си цзы-дянь» решают эту проблему, расположив такие знаки отдельным списком на 45 страницах, а в поиске без какой-либо строгой системы: ㄣ под 丿; 丨 под 丨; 丁, 七, 上, 下 под 一; 丸 под 丶; 毛 под 丨; 凡 под 几; 六, 分 под 八 и т.д.

Кроме того, В.П. Васильев указывает, что хотя европейские лексикографы предпочитают расположение знаков в алфавитном порядке (Williams, Siles), но уже заметили систему, предложенную самим Васильевым, и пытаются её улучшить (Sommers, Chalmers). Её главным удобством учёный считает то, что она совмещает фонетическую систему с графической [1, с. 61].

Исследуя вопрос китайских фонетических систем, В.П. Васильев, выделяет словари тонические (не связано напрямую со словом «тон», поскольку В.П. Васильев именует тоны «интонациями» или «ударениями») и рифмические (как раз располагающие знаки по тону).

В первых, «тонических», знаки расположены «на основании окончаний и предшествующих согласных» [1, с. 61], т. е. по финалям и инициалам. Учёный приводит в пример систему словаря *У фан юань инь* 五方元音 («Изначальные звуки пяти стран света»), где иероглифы распределены на основании финалей по 12 разделам. Например, раздел «天» для финалей -янь, -ань, -уань, -юань; раздел «人» для финалей -инь, -энь, -унь, -юнь и т.д. В каждом разделе знаки расположены по инициалам в установленном порядке: б (榔), п (匏), м (木), ф (風), д (斗), т (土) и т. д. Внутри каждого подраздела с инициальной знаки также распределены по тону («интонациям») [1, с. 61–62].

Иное расположение знаков — в словарях второго вида, «рифмических», где знаки распределены по тону, а в каждом разделе для отдельного тона — по финалям и инициалам. Для того чтобы облегчить пользование рифмическими словарями, они содержат указатели по ключевой системе, «в которых под каждым иероглифом указано, под каким, принятым за основной, нужно искать его в рифмическом» [1, с. 63].

В качестве примера такого рода организации автором приводится словарь *Пэй вэнь юнь фу* 佩文韻府 («Хранилище рифм из

[императорской библиотеки] Почитания культуры»)), созданный, как и *Кан-си цзы-дянь*, по приказу императора Кан-си. Таблица ключей в нём содержит 106 знаков, разбитых по четырём тонам. 106 меньше 214, что может показаться удобнее, чем в *Кан-си цзы-дянь*, но учёный напоминает, что «для того, чтобы отыскивать слова в лексиконах подобного рода (равно как и в *У фан юань инь*), надо наперёд знать их чтение, а потому они предназначены только для людей уже знающих, и для поэтов (отыскивать рифмы)» [1, с. 64].

Вторая часть работы «Анализ китайских иероглифов» под заголовком «Элементы китайской письменности» представляет собой учебный словарь, содержащий те иероглифические знаки, которые, по мнению автора, являются основными элементами китайского письма, поскольку в более сложных знаках могут становиться ключами и фонетиками. Эта часть работы на 99 страницах (из них 7 страниц — предисловие, написанное позднее и пронумерованное отдельно, 92 страницы — текст словаря) составлена для студентов Санкт-Петербургского университета. В предисловии В.П. Васильев поясняет созданную им систему расположения китайских знаков в словаре, а также даёт небольшой экскурс в основы китайской каллиграфии.

«Так как десятки тысяч китайских иероглифов, — пишет учёный, — состоят из перетасовки с небольшим тысячами форм (которых менее пяти сот) и групп (составленных из этих же форм), из которых одни (ключи) показывают энциклопедическое значение, а другие, хотя бы и приблизительное, чтение (фонетические знаки), то понятно, почему твёрдое изучение языка зависит от более или менее твёрдого ознакомления с этой тысячью с лишком элементов» [2, Пред., с. 1]. При этом он подвергает критике прежде распространённые рекомендации европейских синологов ознакомиться только с 213-ю ключами. «При такой методе, — замечает он, — не ознакомясь наперёд с остальным составом письменного языка, можно изучать его много лет и всё-таки смешивать один иероглиф с другим» [2, Пред., с. 1].

В.П. Васильев считает недооценённым составленный Каллери словарь «*Systema phoneticum*», который показал «что, гораздо легче запоминать чтение и значение иероглифов, расположенных не по ключевой (энциклопедической), а по фонетической системе» [2, Пред., с. 1]. Но при этом он критикует расположение фонетических групп в этом словаре по количеству черт, что, по мнению автора, не способствует запоминанию несходных между собой знаков, расположенных рядом только потому, что в них одно и то же количество черт: 有, 而, 成, 存 и т.д. «А между тем, — повторяет сказанное в первой части работы В.П. Васильев, — между фонетическими знаками, или вообще элементами, есть большое сродство, т.е. посте-

пенное, так сказать, выростание иероглифа с новым значением при прибавлении всякой новой черты» [2, Пред., с. 1]:

一 и «один», 二 эр «два», 工 гун «труд», 土 ту «земля», 王 ван «царь»;

人 жэнь «человек», 大 да «большой», 犬 цюань «собака», 太 тай «весьма» и т. д.

Обосновывая вводимую им систему расположения знаков в словаре, он пишет: «Как скоро мы узнаем, что в составлении всех иероглифов участвуют только небольшое количество черт, то должны смотреть на них как на буквы в алфавитных языках и по ним располагать те элементы, по которым приставляются или не приставляются ключевые знаки» [2, Пред., с. 1–2]. Здесь он ещё раз напоминает, что знаки, в которых нет ни ключа, ни фонетика, авторам словарей с поиском по ключам приходится располагать без всякой системы. Например, знаки 七, 丁, 干, 卅, 才, 井, 丑 располагаются под 一.

В.П. Васильев указывает, что внедрение собственной системы расположения знаков он начал ещё в 1857 г., когда издал труд «Графическая система китайских иероглифов», с этой же целью в 1867 г. был издан первый русско-китайский словарь автора. Между тем он сетует, что ещё в 1856 г. Академия наук забраковала его проект, поданный в надежде, что для синологов будет заведён китайский шрифт (все знаки в его трудах написаны от руки).

Описывая саму систему, В.П. Васильев указывает, что для сложных иероглифов он принял за правило отдавать предпочтение знаку, расположенному справа (目 в 相) или снизу (田 в 畝), «стараясь, однако ж, указывать, где эта форма встречается и вверху, и с левого бока» [2, Пред., с. 2].

Для простых иероглифов он выбирает преобладающую черту (乚 в 毛, 丿 в 月 и 田, 丿 в 尸, 一 в 圭, 丨 в 車), которая может располагаться снизу (一 в 重), слева и снизу (乚 в 亡), в центре (丨 в 中, 丿 в 手) и справа (乚 в 兄, 勹 в 勿). Поскольку в некоторых знаках невозможно выделить преобладающую черту (厶, 人), автор словаря предпочёл остановиться на нижней или правой черте. При расположении знаков по такой черте у него есть возможность решать поставленные перед словарём учебные задачи: группировать нарастающие формы (六, 兵, 只, 貝, 具, 頁, 典), указывать разницу в сходных знаках (火, 水, 氷), показать переходы (от 卜 к 人, 入; от 又 к 又, 夕, 夕; от 厶 к 氏, 氏) [2, Пред., с. 3].

Таким образом, в своей работе В.П. Васильев в числе прочих идей о китайской письменности обосновывает собственный дидактический подход, суть которого в том, что фонетики в знаках долж-

ны изучаться столь же пристально, сколь и детерминативы, чему, по его мнению, может служить разработанная им система расположения и поиска знаков в словаре. Данный подход в качестве вспомогательного инструмента процесса обучения китайским письменным знакам может вполне успешно применяться и сегодня.

Вклад В.П. Васильева в развитие отечественной синологии невозможно недооценить. Вместе с тем проанализированные материалы показывают, что наследие учёного ещё требует пристального изучения, а некоторые из разработанных им методик могут быть оценены по достоинству и внедрены в научно-педагогический процесс в XXI веке.

Литература

1. *Васильев В.П.* Анализ китайских иероглифов. Часть 1-я. Издание 2-е. СПб.: Типография Безобразова и Комп., 1898. 133 с.
2. *Васильев В.П.* Анализ китайских иероглифов. Часть 2-я. Элементы китайской письменности. СПб.: Печатня А. Григорьева, 1884. 99 с.
3. *Готлиб О.М., Кремнёв Е.В., Шшимарёва Т.Е.* Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX — первой половины XX вв. В.П. Васильев, С.М. Георгиевский, Ю.В. Бунаков, И.М. Ошанин. Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 283 с.

E.V. Kremnyov, T.E. Shishmaryova***

Didactic Aspects of V.P. Vasilyev's Ideas on Chinese Characters of Phonetic Category

ABSTRACT: The article analyzes the ideas of well-known Russian sinologist of the 19th century V.P. Vasilyev. On the basis of Xu Shen's traditional classification, he suggested his own view to one of the types of the Chinese characters — Phono-semantic compounds, and also describes his own way of teaching them.

KEYWORDS: Chinese writing; Chinese character classification, Xu Shen; Phono-semantic compounds.

* Kremnyov Evgeny Vladimirovich, PhD (Sociology), Associate Professor, Head of the Chair of Oriental and Regional Studies of Asia and Pacific Region of the Institute of philology, foreign languages and media communication of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; E-mail: kremnyov2005@mail.ru

** Shishmaryova Tatiana Evgenievna, PhD (Philology), Associate Professor of the Chair of Oriental and Regional Studies of Asia and Pacific Region of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication of Irkutsk State University, Irkutsk, Russia; E-mail: taniyashi72@yandex.ru